

ДМИТРИЙ ИГУМНОВ

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

РАССКАЗ

— Какой это паразит звонит? — с негодованием подумал я, вставая с постели. — Только удалось заснуть, а здесь нате, пожалуйста, понадобился кому-то в такой час.

В комнате, правда, не было темно, несмотря на погашенный свет. В этот поздний летний вечер ярко светила луна.

Я взял телефонную трубку и, не скрывая недовольства, сипло сказал:

— Алло!

— Привет, дружище! — прозвучал радостный голос Ильи, моего старого приятеля, сотоварища по учёбе в институте. — Ты небось уже дрыхнешь? Так что извини! Я только что прилетел из Штатов и не стерпел... Извини ещё раз. Что нового? Как живёшь? Что делаешь?

— В основном сиплю, а ты вот будишь!

— Да ладно тебе. Завтра выспишься. Завтра же выходной, кажется. Праздник “День освобождения России”?

— Какой день освобождения? — Я попытался сосредоточиться и вспомнить о празднике.

— Какой, какой? Да самый настоящий! Правда, сейчас власть имущие стали его называть “Днём России”. Но исконное название “День освобождения”... Это, с позволения сказать, отражает его истинную суть... Ты что, ещё дрыхнешь?

Нет, я уже не спал, но полностью воспринять сказанное Ильёй ещё был не готов:

ИГУМНОВ Дмитрий Васильевич родился в Москве в 1937 году. Служил на Балтийском флоте. Окончил Всесоюзный заочный энергетический институт. В настоящее время преподаватель Московского института радиотехники, электроники и автоматики. Автор книги прозы “Рыжий”. Живёт в Москве.

— Ну ладно, валяй, великий математик, рассказывай про завтрашний праздник.

— Это будет праздник печали и национального унижения...

Илья был действительно выдающимся математиком. Обладая всяческими учёными званиями и титулами, правда, в основном полученными от иностранных университетов. Последнее время в России Илья бывал нечасто: его талант оказывался востребован во многих странах мира, но не на Родине. В то же время процессы, происходящие у нас, не просто волновали его — он “жил” ими. Он был не только выдающимся математиком, но и выдающимся патриотом.

— Какой печали? — недоумевал я.

— Вот и послушай человека, постоянно тоскующего по Родине! — Как полагается научному работнику, он начал издавека: — Представь себе человека, потерявшего руку или ногу. А после этого он стал бы ежегодно отмечать это событие, выражая бурный восторг по поводу освобождения от своей конечности. Согласись, так вести себя может только пациент дурдома. Полагаю, здесь всё ясно? — удостоверился Илья. — Теперь другой вопрос, сложнее. В какой стране существует общенародный праздник, знаменующий потерю больших территорий? Причём многие из этих земель издревле входили в состав государства, и все они обильно политы кровью его народа. Не надо долго думать. В мировой истории только один пример — современная Россия. В день такого освобождения в Кремле устраиваются банкеты, приёмы, вручаются ордена, а на площадях городов проходят народные гулянья... Прав поэт: умом Россию не понять, — горестно добавил Илья. — Да к тому же это день освобождения от наших соотечественников, ставших теперь иностранцами!.. Что молчишь? Покритикуй мои рассуждения.

— Что тут сказать? Грустно всё это, но ещё грустнее, что мало кто из нас задумывается об этом. А ты, Илья, там, в капиталистическом рае, встречал единомышленников?

— Везде люди разные. На удивление — разные. Есть у меня один знакомый, тоже математик, уехавший на постоянное место жительства в Израиль. Сам он по национальности еврей, а жена у него русская. Так вот, мой коллега страшно тоскует по России и, как он мне рассказывал, постоянно молится о ней. Интересуется всем, что с ней связано: радуется её успехам и переживает неудачи. А его русская жена не может нарадоваться на свою новую жизнь, а про Россию вспоминает почти с ненавистью.

— Дура, она и есть дура. Здесь всё понятно. А вот твой коллега — странное существо.

— Не такое уж странное. Национальность, конечно, многое определяет, но далеко не всё. Одни люди, навсегда покинув Родину, потом о ней почти не вспоминают. А других нещадно мучает ностальгия. — Илья усмехнулся. — Взять хотя бы меня. Сколько унижений испытал я в России, чтобы пробить собственную тему. А на Западе мне предлагают все условия для работы и нормальной жизни. Но я вот, придурок, проживу пару недель вдали от Родины, и хоть стреляй: тянет домой. Как наркомана к зелью... А прилетаю на Родину, звоню своему другу, — тон Ильи стал окрашиваться игривыми оттенками, — и, оказывается, мешаю ему спать.

— Да ладно тебе... Лучше расскажи, что там интересного, за кордоном?

— Интересного? Самое интересное обычно случается в России... Ты ведь помнишь наших сокурсников Толю Крохина и его подружку Симу Сгудицкую? Так вот, они не только семейная пара, но завели прибыльный бизнес. Но ещё интереснее: их отпрыск стал очень богатым и влиятельным человеком в России. А мы-то раньше смеялись над ними, мол, посредственность...

В нашей студенческой группе эта пара часто вызывала снисходительную улыбку. Тихий и тощий Толик был по уши влюблён в игривое и нахальное создание, которое звали Симочкой. На первый взгляд могло показаться, это совершенно разные люди, но только на первый взгляд. Каждого из них мы плохо понимали: слишком примитивны были их суждения. Но зато они-то

прекрасно чувствовали друг друга даже на значительном расстоянии... Азы науки постигали они тоже своеобразно. И не без помощи сокурсников.

При сдаче экзамена почти по любому предмету первым в аудиторию входил отличник Илья. Он подходил к столу преподавателя и ухитрялся взять из разложенных веером экзаменационных билетов не один, а два. Делал он это мастерски. Затем почти без подготовки Илья отвечал на вопросы одного из билетов и, получив законную пятёрку, выходил в коридор, где его с нетерпением ждали... Другой, оставшийся билет наш лидер отдавал Толику. Толика тут же натаскивали по конкретным вопросам конкретного экзаменационного билета.

В конце экзамена в аудиторию заходил студент Крохин и, совершив нехитрую манипуляцию с билетами, отвечал экзаменатору. И даже в таких случаях иногда ухитрялся получать “неуд”. После такого “неуда” в дело вступал актив группы, где ведущую роль играла Симочка. В конце концов, после нескольких попыток Толя получал вымученную тройку.

Знания самой Симы едва превосходили знания её сердечного друга, но она как-то умудрялась сдавать экзамены с первого захода.

На одном из очередных экзаменов по электронике Симе достался билет с задачкой “по расчёту времени рассасывания в транзисторном ключе”. Это время во многом определяло быстрдействие цифровых устройств, а рассчитывалось оно по весьма простой формуле. Да, эта формула была простой, но не для Симы...

Преподаватель терял терпение и почти кричал:

— Ну, чему, чему равно время рассасывания?

Симочка, нежно потупив свои нахальные глазки, вдруг выдала:

— Время рассасывания равно времени засасывания.

После такого нестандартного ответа студентки старичок преподаватель глубоко вздохнул и вывел в её зачётной книжке: “удовлетворительно”. Видно, стало жалко губить такое дарование.

После окончания института мы частенько цитировали высказывания Симочки, и особенно историческую фразу о времени рассасывания.

...Воспоминания о студенческих годах могли длиться часами. В окне уже не стало видно луны, время летело, а мы с Ильёй не могли наговориться.

— И как ты, великий математик, объяснишь тот факт, что два умственно скромных человека смогли породить удачливого сына? Его фамилия в списках членов Государственной Думы... Как это согласуется с законами генетики?

— Про генетику не знаю, — отвечал Илья. — А по законам математики всё элементарно. Если одно отрицательное число умножить на другое, тоже отрицательное, получим число с каким знаком?

— Со знаком успешного бизнесмена и депутата!

— Вот именно! Математика — великая наука!

На высокой ноте во славу математики и закончился наш ночной разговор. Илья обещал позвонить следующим вечером, перед отъездом. Он опять отправлялся за рубеж, на этот раз в Женеву.

Миновал праздник “День освобождения...”, и вечером, поздним вечером, мы были опять с Ильёй на проводе.

— Не злись, что опять звоню поздно. Совсем затыркался, — традиционно извинялся Илья. — Катастрофически не успеваю. Поэтому очень быстро — об одной заморочке. Слушаешь? Вспомнился мне один японский физик-теоретик, который рассказывал, что по-японски он думает только в обычных жизненных ситуациях. Когда же этот японец занимается физикой, мыслит исключительно на английском языке.

— А как ты? — не удержался я с вопросом.

— В том-то и дело, я хорошо знаю английский и неплохо ещё несколько европейских языков. Но всегда думаю только по-русски...

Я услышал в телефонной трубке, что кто-то окликнул Илью.

— ...Извини. Торопят, пора в аэропорт... Поэтому очень кратко. Только резюме. Если наш соотечественник уехал в Америку и стал там думать по-

английски, он превратился в американца. Если он живёт там, а думать продолжает по-русски, это переселенец, он не сможет стать там счастливым. Как был, так и останется нашим — и телом, и духом. Вот я почему не могу надолго покидать матушку Россию.

Ещё несколько дежурных фраз, и наш разговор закончился. Должно быть, Илью уже мчала машина в аэропорт, а я всё ещё сидел у телефона. Мне представлялся большой светлый зал научной конференции, где в центре внимания был мой друг. К нему подходили люди, приветствовали его на разных языках. Он отвечал им — на английском, немецком, испанском, французском... И никто не догадывался, что этот выдающийся математик думать умеет только по-русски.

СЕНЕЧКА

РАССКАЗ

В мерцающем сознании Василия Александровича проносились картины не только из реально прошедшей жизни, но и случались совершенно непонятные видения. Были они порой достаточно яркими и эмоциональными, что приносило старику даже интерес, разнообразие в его безысходном, отрешённом состоянии.

Василий Александрович уже давно и тяжело болел. Даже вставать со своего ложа приходилось через силу, по крайней необходимости.

Но несмотря на безнадежность положения, одинокий старик категорически отвергал предложения врачей и социальных работников покинуть квартиру и перебраться в дом престарелых или подобное заведение. Он не только не хотел, но и был не в силах оставить всё то, что ещё теплилось в окружающем его прошлом. Даже стены с поблёкшими обоями, не говоря уже о фотографиях и картинах-вышивках покойной жены, сохраняли связь настоящего с прошлым, дорогим прошлым...

Старик мог часами созерцать серую морозную дымку за окном, просто так, почти ни о чём не думая. Мог смотреть на морозный иней, который лепился вокруг рамы, потому что часто приходилось открывать окно для проветривания.

Так проходили дни и недели, пока первые мартовские капли не просигналили о приходе весны.

Странно устроен мир. Весна, весна! Что ты приносишь с собой? Ведь, несмотря на ухудшение состояния и усиливающиеся боли в груди, образы временами вспыхивали в сознании не только ярче, но и радостнее. Вспомнились эпизоды из далёкой юности, чаще всего дурачкие... Василий Александрович лежал иной раз с застывшей улыбкой на лице.

Вот неожиданно вспомнился философствующий приятель Валька Басов. “А знаешь, почему весной девчонки становятся особенно манящими? — объяснял он весеннюю тягу к женскому полу. — Всё очень просто. Раздеваются они весной! Снимают пальто и другую верхнюю одежду. Вот и всё. Факт! Никакое пробуждение природы и игра гормонов здесь ни при чём!”

... — Цилип-тип, цилип-тип! — раздалось совсем рядом. Что за странные звуки из заоконного мира? Василий Александрович повернул голову, увидел птичку.

На козырьке с внешней стороны рамы сидела, вернее, постоянно крутилась, шустрила синичка. “Цилип-тип, цилип-тип”. Незамысловатое пение

птички было радостно и беззаботно. Старик с увлечением смотрел на пернатую гостью...

— Откуда ты взялась, Сенечка?

— Цилип-тип! Да вот прилетела тебя проведать. Как ты тут? Совсем скис? — ответила Сенечка тонким голосом, но мыслями старика...

“Ну вот, — вслед за этим подумал Василий Александрович, — и впрямь скис, если стал разговаривать сам с собой голосом птицы...”

— Не кисни! Весна наступает. Позови родственников. Закати пир... — посоветовала Сенечка и упорхнула.

Василий Александрович попробовал вспомнить всю свою родню. Кто, где? Выходило, что созывать на пир практически некого. Старший сын Василия Александровича, Павел, морской офицер, погиб ещё в советское время на больших военно-морских учениях. Погиб, не оставив после себя даже могильного холмика. В письме от командования говорилось о подвиге, который совершил его сын. Оставшиеся после этого горечь и гордость одновременно уживались в больном сердце старика. От младшего сына Олега осталась только горечь стыда и вины. Олега застрелили в бандитской разборке в середине девяностых, в самый разгул ельцинского правления. Семьи у Олега не было, а семья Павла — сноха и внучка настолько отделились от старика, наверное, создали новую семью, что от них — ни слуху ни духу. Весь смысл существования Василия Александровича в последние годы держался на жене. Но недавно её не стало. Вот и наступило одиночество, полное одиночество.

Василий Александрович никогда прежде не задумывался об этом. Надеялся, что его это не коснётся, обойдёт. Но теперь к нему подбиваются социальные работники, чтобы сбавить в соцприют, как немощного старика-одиночку...

— Что ты, старик, жалуешься на жизнь? А каково нам, птицам? У нас нет крыши над головой... Ветер, холод, снег... А пропитание? А кошки? Эти зловредные кошки!

— Не бойся, Сенечка, у меня нет кошки, — Василий Александрович рассмеялся.

Синичка опять прилетела к нему на карниз:

— Цилип-тип, цилип-тип...

Василий Александрович заметил, что Сенечка постоянно оглядывается, суетится, что-то ищет будто бы.

Да ведь она есть хочет!

Чтобы как-то загладить свою недогадливость, Василий Александрович тяжело поднялся с постели и побрёл на кухню. Здесь он набрал горсть хлебных крошек. Но когда вернулся из кухни в комнату, синицы уже не было.

— Где ты, Сенечка? — вздохнул старик. — Улетела, шалунья?

— Да. Полетела проведать подруг и своего друга. Весной каждая птица находит себе друга... Пока-пока.

— Пока-пока...

Он опять поговорил сам с собою — и за себя, и за Сенечку и улёгся в постель.

“Старый стал я и бестолковый. Синицы же обожают сало! Надо раздобыть для Сенечки...”

Раздобыть лакомство для синицы можно было через Асю.

— Что? Зачем вам сало? Вам же врачи строго-настрого запретили такие деликатесы...

Пожилая и ворчливая Ася была прикреплена к старику в качестве социального работника. Она поддерживала относительный порядок в квартире, приносила простенькие диетические продукты, ходила в аптеку за лекарствами. А тут вдруг сало?

Но Василий Александрович настоял на своём. И вскоре кусок лакомства ждал Сенечку. А Сенечки всё не было...

Старик даже выложил маленький кусок сала на карниз. Но синица не прилетала...

— Где ты, где ты, щебетунья? Где ты, моя Сенечка? — сокрушался старик.

Он предчувствовал что-то неладное. Неужели злые кошки или дети с рогатками, или... Где же ты, Сенечка?

Так, в бесплодном ожидании, прошло несколько дней.

Странно, думал Василий Александрович, он прожил долгую жизнь, у него была семья, были друзья, даже остались дальние родственники, а ему интереснее всего судьба какой-то синицы, он ждёт её, словно друга или родственнику...

Разумеется, Василий Александрович понимал, что птичка-синичка символ, знак... Он даже загадал: если вернётся Сенечка, он ещё встанет на ноги!

Душевное уныние старика сказывалось на физическом здоровье. Он уже почти не вставал с постели, а если и приходилось это делать, то — с превеликим трудом. Старик по-прежнему ждал синицу как избавление от недуга, как единственный светоносный луч в сумраке инвалидной, одинокой жизни.

Проходили дни. Весна всё больше вступала в свои права. А Сенечки не было. Временами в полумистической дремоте старику мерещились невнятные видения, сопровождающиеся милыми его сердцу звуками: “Цилип-тип, цилип-тип”. Он опять начинал говорить за себя и за птицу, но когда открывал глаза и воспринимал явь, как она есть, синицы на карнизе не находил...

Уже последние силы стали покидать старика. Он перестал ощущать время. День и ночь сливались в сознании. Но про Сенечку старик не забыл. Он просто знал, что его драгоценная синичка попала в беду, ей надо помочь.

Василий Александрович собрался с силами и пошёл на кухню. Вскоре дрожащая старческая рука положила на карниз за окно очередной ломтик сала.

— Неужели всё напрасно? А, Сенечка? Ведь в жизни всё проходит и со всем приходится смириться. Я сам потерял самых близких людей. И вот видишь, свылся, смирился... Так устроен мир. Пройдёт время, и обо мне, Сенечка, тоже никто не вспомнит...

— Я вспомню! Я вспомню! Я вспомню! Цилип-тип, цилип-тип! — прилетело в приоткрытое окно.

На карнизе опять была его дорогая Сенечка. Она вертелась и прыгала, она клевала сало, она щебетала своё неизменное “Цилип-тип, цилип-тип!”

— Прилетела, жива! Значит, и я буду жить, — встрепенулся и заулыбался Василий Александрович. — Будем жить, Сенечка?

— Будем жить, дедуля! — радостно отозвалась синичка и, сытая, резвая, упорхнула по своим делам.

Старик лежал очарованный и счастливый. Старику было совсем невдомёк, что прилетела к нему не Сенечка, а другая синица. Да и зачем ему было знать об этом.

— Будем жить, Сенечка! Обязательно будем жить.

СТУДЕНТОЧКА

РАССКАЗ

Хотя моросил дождь, Пётр Васильевич, как вышел из института с кепкой в руке, так и продолжал идти... Всё перемешалось в голове: и прошлое, и настоящее, и мечты, и поиск выхода из сложившейся ситуации. Где-то проблёскивало польщённое самолюбие, но оно тут же загуманивалось вихрями взбудораженной совести.

В самый разгар трудового дня после очередной лекции Пётр Васильевич, как обычно, зашёл на кафедру, чтобы немного передохнуть. Хотелось посидеть с закрытыми глазами в стареньком кресле, приткнутом в уголке уютно-закуточка, отгороженного от официального помещения книжными шкафами. Однако на этот раз спокойно провести межлекционный тайм-аут не получилось. Его дождалась незнакомая женщина, мать одной из его студенток, Ольга Андреевна.

Со слезами на глазах она долго и эмоционально рассказывала, что её дочь Таня безрассудно влюбилась в своего преподавателя, а именно — в него, Петра Васильевича. Рассказывая про увлечение дочери, Ольга Андреевна взывала к совести и даже пыталась угрожать. Последнее было уж очень неприятным.

— За кого вы меня принимаете? — возмутился Пётр Васильевич. — У меня дочь ровесница вашей Тане...

В конце концов Пётр Васильевич постарался успокоить хнычущую Ольгу Андреевну да и самому обрести здравое рассудительное состояние.

Он не был примерным семьянином, но всё же, по его собственному выражению, “никогда не опускался ниже ватерлинии”. Он попытался представить себе влюблённую в него девушку. Впрочем, это не составляло особого труда: девушек на этом техническом курсе было немного, в основном — ребята. “Конечно, это та Таня, большеглазая студентка. Всегда сидит на первом ряду и сверлит меня взглядом...”

Пётр Васильевич невольно отметил, что эта Таня здорово похожа на свою мать, которая только что взывала к его совести. Он искренне пообещал исправить положение и никоим образом не способствовать увлечению студентки.

Прежде всего, решил Пётр Васильевич, надо договориться с кем-нибудь из коллег о рокировке лекционными потоками. Лучше всего с Маратом Садыковичем, он читает подобный курс на параллельном потоке. А ведь между тем сам Марат лет десять тому назад оказался в подобном положении. И воспользовался симпатиями студентки!..

“Тогда было совсем другое время, — подумал Пётр Васильевич. — Мы были ещё молоды и ненамного старше своих студентов. А теперь? А теперь в подобную ситуацию может попасть и моя Настя”.

Мысли о своей единственной дочери, студентке второго курса, окончательно убедили Петра Васильевича отстраниться, ничем не провоцировать, не распалить чувств влюблённой в него студенточки Тани...

Таня, студенточка Таня. Как это было давно! Почему “студенточка”, а не “студентка”? Об этом нужно спросить у Петра Лещенко. Почему он в одной из популярных песен времён юности Петра Васильевича так страстно воспевал именно студенточку?

Студенточка. Заря вечерняя...

В те далёкие годы студенточка Таня стала первой любовью Пети. Первой и безответной. Сладость открытого радостного чувства оказалась отравленной жёсткой отвергнутостью. Таня была дочерью крупного воинского чина. Вежливо, но красноречиво она показывала своим поведением, что её не интересует простой рабочий паренёк Петя...

А Лещенко всё продолжал надирать душу:

С трэвогую я ожидал тебя...

С той поры прошло много лет, и вот — надо же! — опять студенточка Таня. Ситуация отчасти повторяется, только теперь — наоборот... Сколько на свете этих Тань! И какие они разные: от пушкинской Татьяны до совсем непутешинских.

Петру Васильевичу вспомнился разговор, свидетелем которого он оказался совершенно случайно. Отдыхая в перерыве между лекциями за книжны-

ми шкафами в уголке кафедры, он почти задремал. Звуки открывающейся двери и голоса двух женщин, пришедших на кафедру, пробудили его. Одна из них, которую звали Татьяной — Татьяной Михайловной, — говорила своей собеседнице:

— Иметь одного любовника? Только одного? — Здесь она перешла на возмущённый шёпот. — Это просто неприлично!

Женщины вскоре ушли, так и не заметив затаившегося в закутке коллегу.

Промокший Пётр Васильевич всё в том же отрешённом состоянии добрался до своего дома. Поднявшись на свой пятый этаж, он ещё какое-то время потоптался на лестничной клетке, будто не хотел заносить свои мысли в квартиру. Наконец он нажал кнопку звонка.

Дверь открыла Настя.

— Ой, папуля! Что с тобой? Ты как человек-амфибия... Тебе срочно нужно горячего чаю! А то заболешь...

Слушая родной звонкий голосок, Пётр Васильевич улыбался и продолжал стоять в дверном проёме:

— Ну здравствуй, студенточка!

